

Виктория Шнайдер
Екатерина Мелкова

МОЙ МУЖИК
ЗЕМЛЮ НЕ
ОТДАДИМ

Екатерина Мелкова

Мой мужик. Землю не отдадим

«Автор»

«Автор»

2026

Мелкова Е.

Мой мужик. Землю не отдадим / Е. Мелкова — «Автор»,
«Автор», 2026

Когда Варвара приезжает в родовое гнездо, чтобы спасти дедовский яблоневый сад от уничтожения, она не ожидает встретить в леднике огромного мужчину с топором. Егор — последний защитник земли, готовый на всё ради её спасения. Вместе им предстоит противостоять алчному олигарху, уберечь вековые антоновки от мороза и карьера. Но главное — между ними вспыхивает чувство, способное согреть даже в самую лютую стужу. История о любви, которая сильнее денег, и о земле, которую нельзя отдать.

© Мелкова Е., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Исполин в леднике	6
Глава 2. Земская межа	10
Глава 3. Живой сок	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Виктория Шнайдер

Мой мужик. Землю не отдадим

Мой мужик. Землю не отдадим

Виктория Шнайдер

Екатерина Мелкова

Глава 1. Исполин в леднике

За яблонями заревел карьерный дизель. Я стиснула лямку рюкзака и прибавила шаг.

Колея проселка кончилась полверсты назад, у покосившегося мостика через Ясенку. Дальше вела едва приметная пешеходная стежка, размытая весенними ручьями. Я шла, увязая подошвами походных ботинок в сыром, жирном черноземе, пахнущем оттаявшей прелой листвой, горькой вербой и близкой большой водой. В воздухе висела тонкая туманная взвесь второй половины мая — то прозрачное, стылое марево средней полосы, в котором каждый шорох и птичий вскрик разносится далеко по окрестным холмам.

За спиной привычно давил походный рюкзак: лазерный дальномер, полевой блокнот, секатор, планшет с кадастровыми картами и тетрадь с личными записями деда — Петра Тимофеевича Савельева.

Тридцать лет я прожила в Петербурге, защитила диссертацию по фитопатологии плодовых культур, чертила ландшафтные парки для загородных усадеб, но после смерти деда, завещавшего мне старинное гнездо в Ясенево, городская суета осыпалась сухой штукатуркой. Земли вокруг жадно скупал холдинг Аркадия Макарова, карьерная техника уже срывала пойменные бугры, а над вековым яблоневым садом нависла угроза уничтожения. Я приехала вернуть саду жизнь и оставить землю в семье.

Справа потянулись первые яблони. Могучие, в два обхвата, с корявыми замшелыми стволами, покрытыми серебристым налетом лишайника. Их ветви, отягощенные тугими набухшими почками, сплетались в гигантский кружевной шатер. Это были настоящие дореволюционные антоновки, привитые еще при земстве на дикий лесной подвой — живые памятники русского садоводства, пережившие войны, суховеи и морозы.

— Ну, здравствуй, дедово царство, — прошептала я, благоговейно проводя ладонью в перчатке по шершавой, пахнущей солнцем коре.

Тропа вывела к восточной бровке сада, где начинался глубокий межевой овраг. Здесь насаждения упирались в сплошную стену одичавшего терновника. Переплетенные шипастые ветви царапали мембрану куртки, закрывая прямую видимость на карьерный бугор. Мне требовалось снять точные координаты крайнего ряда деревьев: планшет капризничал, теряя спутники под густыми кронами.

Достав из поясного чехла секатор, я несколькими точными щелчками прорубила лаз в колючем кустарнике. Ветви с сухим шорохом расступились, и я шагнула на широкий дерновый бугор, намереваясь зафиксировать отражатель на возвышении.

Под подошвой внезапно хрустнула пустота.

Раздался глухой, трухлявый треск. Сгнившие дубовые плахи векового настила, скрытые под полувековым слоем мха и прелого дерна, мгновенно подломились под моим весом.

Земля ухнула в пустоту.

— А-ах! — крик застрял в горле коротким судорожным выдохом.

Инстинктивно вскинув руку, я попыталась ухватиться за нависшую ветвь черемухи. Пальцы сомкнулись на коре, но сырая древесина с сухим треском обломилась. Тело потеряло опору, и я рухнула вниз, в темный каменный зев.

Я успела сгруппироваться, как учили на студенческих полевых практиках: прижала локти к ребрам и попыталась спружинить на полусогнутые ноги. Внизу подошвы ударились о скользкий гранитный монолит.

Правая стопа подвернулась внутрь под неестественным углом. В суставе сухо и страшно хрустнуло, и ослепительная, раскаленная добела спица боли прошла ногу от щиколотки до самого бедра.

Я рухнула на бок, ударившись плечом о сырую кладку, и задохнулась. Рюкзак спружинил о спину, спасая позвоночник, но малейшее движение правой ногой отзывалось тошнотворной мукой. Перед глазами заплясали багровые круги.

— Тихо... Варя, дыши... только дыши... — зашептала я сквозь стиснутые зубы, чувствуя, как ледяной пот мгновенно выступил на висках.

Осторожно приподнявшись на локтях, я осмотрелась. Я находилась на дне круглого колодца глубиной метра в три с половиной. Стены были сложены из циклопических гранитных глыб, идеально притертых без всякого раствора. В воздухе стоял неподвижный, плотный ледниковый холод, пахнувший слежавшимся снегом, старой корой и мокрым известняком.

Это был старинный усадебный погреб-ледник XIX века, о котором дед с гордостью упоминал в дневниках.

Я достала смартфон: в строке состояния мерцало безнадежное «Нет сети». Трехметровые стены и толща земли глушили радиосигнал намертво.

— Эй! Есть кто-нибудь?! Помогите! — крикнула я, запрокинув голову к квадрату неба.

Свод сработал как акустический раструб. Мой голос, отразившись от влажного гранита, мощным колоколом вылетел в пробитый проем, уходя вертикально вверх — в кроны векового сада. Я крикнула еще и еще раз, пока дыхание не перехватило. Щиколотка на глазах наливалась тугим горячим отеком, распирая кожаный ботинок. Холод камня стал безжалостно пробираться сквозь одежду.

И тут на краю провала хрустнул сухой сучок.

Тяжелые шаги заставили посыпаться вниз тонкую струйку сухой земли. Я сжалась: рабочие Макарова с карьера уже грозили соседям расправой, а беспомощная женщина в яме — легкая добыча. Сжав в кулаке тяжелый металлический корпус лазерного дальномера, я прижалась спиной к ледяной стене, выставив прибор перед собой, как оружие.

В светлом квадрате зева показался силуэт.

Он заслонил собой небо. Огромный мужчина в брезентовой штормовке цвета речного песка. За широким кожаным ремнем виднелся тяжелый плотницкий топор в кожаном чехле. На фоне весенней лазури его плечи поражали тяжелой шириной кости и мощностью налитых силой мышц.

— Кто там в леднике? — раздался сверху густой, ровный бас, от которого у меня внутри сладко и тревожно дрогнуло сердце.

— Я... я упала! — голос предательски сорвался. — Нога подвернулась, настил проломился... Вытащите меня, пожалуйста!

Мужчина окинул взглядом глубину ямы, цепко оценил выступы кладки, закрепил пеньковую веревку вокруг соседнего ствола и шагнул на выступ кладки.

Я зажмурилась от страха. Он спустился по выступам кладки, придерживаясь за веревку, и с последнего уступа прыгнул в шаг от меня. Волна сухого жара, березового дегтя, сосновой стружки и свежего ветра окатила меня с головы до ног.

Он выпрямился. Ростом под два метра, сложен как вековой кряжистый дуб, с широким обветренным лицом, прямым носом и удивительно ясными, глубокими серыми глазами под густыми русыми бровями. Он опустил ко мне без суеты, придерживая топор, чтобы чехол меня не задел.

— Не бойся, девочка, — тихо и веско произнес он, опускаясь на одно колено передо мной. — Свои. Яснев я, Егор. Здешний. Дай-ка погляжу ногу, пока отек не разошелся.

Его огромная ладонь — жесткая, шершавая от вьевшихся мозолей и древесного сока — легла на мой сапог. Касание было поразительно теплым, бережным и надежным.

— Осторожно... там очень больно, — прошептала я, невольно вцепившись пальцами в плотный рукав его парусиновой куртки.

— Терпи, красавица. Сейчас легче станет.

Он аккуратно распустил шнуровку и, поддерживая пятку, стянул ботинок с шерстяным носком. Моя тонкая щиколотка уже посинела и вздулась. Егор положил широкие пальцы на сустав, чуть нажал подушечками, наблюдая за моим лицом:

— Опухает крепко. До фельдшера тебя довезем, там разберутся. Пока зафиксирую. Вдохни глубоко.

Я набрала воздух и задержала взгляд на его лице, доверяя ему больную ногу.

Егор поддержал мою пятку левой рукой, а правой подложил под голень свернутую куртку.

От перемены положения ногу прострелило болью, я уткнулась лбом в его твердое, пахнущее костром плечо, сдерживая стон. На мягкой опоре нога перестала дергаться, и я смогла выдохнуть.

— Вот и умница, вот и молодец, — приговаривал он бархатным шепотом прямо мне на ухо, и от его дыхания по шее побежали мурашки.

Он достал из полевой сумки полосу чистого вываренного льна и бережно забинтовал голеностоп восьмеркой, фиксируя сустав. Боль утихла до глухого, вполне терпимого нытья.

Я попыталась опереться о камень, чтобы подняться:

— Спасибо вам... Я попробую сама...

— Куда сама? — Егор чуть заметно усмехнулся в усы, качнув головой. — На одной ножке по гранитным уступам скакать? Сиди смирно.

Он легко подsunул широкие руки мне под колени и лопатки, оторвал от камня и поднялся во весь рост. Мой вес показался ему легкой ношей. Спасаясь от головокружения, я обвила руками его сильную шею. Под пальцами перекачивались тугие канаты мышц, от его воротника пахло сухой полыньей, речной водой и чистым жаром. Сердце в груди заколотилось часто и сладко.

Егор перекинул меня выше на локте, свободной рукой взялся за веревку и медленно поднялся по вырубкам в граните. На краю он сперва усадил меня на дерн, затем выбрался сам. Солнечный свет ослепил меня. Запели дрозды, пахло цветущей черемухой. Мы были на воле.

Егор выбрал сухое место над оврагом.

Он вынес меня на залитую весенним солнцем поляну над оврагом, бережно опустил на широкий спил векового дуба и сразу же скинул тяжелый овчинный жилет:

— Накинь. Земля еще сырая, просквозит в твоей городской курточке.

Жилет доставал мне почти до колен, от него шло густое, живое, сухое тепло. Я запахла полы, чувствуя себя маленькой и совершенно защищенной. Егор снял с моих плеч рюкзак и внимательно посмотрел на меня из-под насупленных бровей:

— Ты чьих будешь, девица? Одета по-городскому, приборы блестят... Не от Макарова ли землемеры межу резать прислали?

В его голосе прорезалась опасная глухая сталь.

— Нет! Что вы! — я торопливо достала диплом и старую тетрадь в коленкоре. — Я Савельева. Варвара Петровна. Внучка Петра Тимофеевича. Дедушка умер зимой... Я вступила в наследство и приехала сюда жить.

Егор замер. Его брови медленно поднялись, а тяжелые ладони, лежавшие на топорище, расслабились:

— Савельева?... Петра Тимофеевича внучка? Из Ленинграда?

— Из Петербурга. Дедушка часто писал мне про Ясенево. Про вас писал, про вашего отца... Говорил, что Ясенева — корень этой земли, без них сад не удержится.

Лицо великана преобразилось, в уголках глаз собрались лукавые теплые морщинки. Он снял шапку, провел рукой по русым волосам:

— Вот оно как... А я гляжу — глаза савельевские, ясные. Петр Тимофеевич меня мальчишкой к прививкам приучал, ругать умел за кривой срез, но и хвалил от души. Весь питомник

на его черенках стоит. Прости за грубость, Варвара Петровна. Время нынче волчье. Карьерные на межу лезут, покой потеряли.

Он повернулся к леднику, достал нож и нырнул рукой в деревянный короб вентиляционной отдушины:

— Погоди-ка. Дед твой секрет один оставил. Гляди.

Через минуту он вернулся, держа в широких ладонях два крупных зеленовато-золотистых яблока. Кожица плодов была покрыта каплями конденсата, а на весеннем солнце они светились янтарным светом, словно вобравшим в себя прошлогоднее бабье лето.

— Май на исходе, а она как с ветки, — Егор с гордостью протянул мне яблоко. — Ясеновая антоновка зимнего съема. В дедовском леднике родниковый подпор, плюс четыре круглый год держит. Попробуй.

Я взяла плод. Он был ледяным, тяжелым и упругим. Едва я надрезала кожицу, как воздух наполнился ошеломляющим ароматом: медовая сладость, винная кислинка, запах палой листвы и морозной свежести. Я откусила кусочек. Мякоть с оглушительным хрустом брызнула холодным, плотным соком.

— Боже мой... — выдохнула я, чувствуя, как по подбородку стекает капля сладкого нектара. — Какая плотность пектина! Какой баланс сахаров и кислотности! Это же уникальный сортовой клон!

— То-то и оно, — Егор присел рядом на корточки, любуясь моим восторгом. — Макаровские ироды хотят весь склон под корень пустить, песок копать. Говорят — старье, дрова, никакой коммерции. А этот сад всю губернию кормить может. Если отстоим.

— Отстоим, — твердо сказала я, вытирая губы. — Но границы на спутниковой карте смещены на тридцать метров вглубь сада. Бумаги из района отдают овраг и склон под горный отвод карьера.

— Врут бумаги, — отрезал Егор. — Землю дед межевал по старым книгам. На межевом кургане, под раkitами, репер земский закопан — чугунный столб с царским орлом, на нем граница на века вырублена. Только зарос он, не сыскать с налета.

— Найдем, — я развернула на планшете оцифрованную страницу дедовского дневника 1974 года. — Вот запись Петра Тимофеевича: «От трех раkit на восток ровно семь саженей. Репер земской управы 1888 года, в основании заложена водоохранная грамота». Егор, это доказательство исторических границ; копию сегодня отправлю в область!

Егор поднялся во весь рост, глаза его полыхнули огнем:

— Тогда показывай, куда идти. Я понесу.

— Я сама попробую... на одной ноге...

— Сказал — понесу, значит, понесу. Не спорь с мужиком, — в его голосе прозвучала такая надежная, теплая ласка, что спорить стало бессмысленно и сладко.

Он снова легко поднял меня на руки. Я прижалась к его штормовке, слушая ровный, мощный стук его сердца, пока мы шли сквозь сад к высокому кургану над рекой.

Я сверила дедовскую запись еще раз. Там, под корнями старых раkit, лежало доказательство, ради которого стоило рискнуть.

Глава 2. Земская межа

Я показала Егору азимут на экране планшета, и он повернул к кургану.

Курган возвышался над поймой Ясенки, поросший плотным ковром дикой малины, бересклета и сухого ковыля. Внизу, в полукилометре от нас, уродливой раной зиял песчаный карьер, откуда доносился металлический лязг и утробный гул дизелей.

Егор опустил меня на сухой валун у трех старых ракит, снял топор и огляделся:

— Ну, Варвара Петровна, командуй.

Я выверила азимут по компасу:

— Семь саженей на восток. Почти пятнадцать метров. Вот сюда, Егор! Под эту осыпь!

Егор шагнул вперед. Лезвие его топора с частым стуком стало врубаться в плотный дерн, сдирая пласты сухой травы и переплетенные корни. Земля летела во все стороны. Мужчина работал широко, без усталости, он выдыхал на каждом ударе.

На четвертом ударе железо встретило глухую преграду. Раздался чистый, протяжный колокольный звон.

— Есть! — выдохнул Егор, опускаясь на колени.

Он положил топор в траву и разгреб влажную землю. Из грунта показалась массивная четырехгранная тумба из темного литого чугуна.

Опираясь на срезанную Егором яблоневую жердь, я опустилась рядом и ножом счистила вековую окалину с грани. Под пальцами проступили рельефные дореволюционные буквы и герб Тульской губернии:

«Земское межевание 1888 года. Заповедный яблоневый наделъ рода Савельевыхъ и рода Ясеновыхъ. Водоохранная межа рѣки Ясенки».

— Егор... — прошептала я, чувствуя, как мороз продирает по коже. — Вот подтверждение дедовских записей! Теперь есть что предъявить экспертам и потребовать остановки работ!

— Тут гнездо есть, — Егор нащупал основание тумбы. — Вмуровано что-то.

Обелиск накренился от времени, угрожая сползти в промоину. Егор завел под основание толстую дубовую слегу, уперся сапогами в плитняк и с глухим рыком навалился на рычаг всем весом. Мышцы на его шее вздулись канатами. Трехсоткилограммовый чугунный монолит оторвался от ложа и встал на гранитный фундамент.

Под основанием открылась свинцовая ниша.

Я погрузила руку в ледяную воду тайника и извлекла тяжелый цилиндр — герметичную свинцовую трубу, наглухо залитую по резьбе воском с земской печатью.

Егор прогрел шов зажигалкой, я поддела воск лезвием ножа, и крышка со скрипом поддалась. Внутри лежал свиток плотной бумаги.

Я развернула его дрожащими пальцами. На плотной бумаге тончайшей тушью и акварелью был вычерчен генеральный план усадьбы Ясенево: террасы, система родниковых шлюзов и широкая голубая полоса водоносного горизонта. Внизу стояла подпись губернского инженера:

«Вся подпочвенная жила отъ истоковъ Ясенки почитается неприкосновенною для заводскихъ и горныхъ раскопокъ, дабы не оскудѣли ключи, питающіе сады и питьевыя криницы волости».

— Это приговор Макарову, — сказала я, поднимая сияющие глаза на Егора. — По этому плану здесь охраняли источники! Если карьер перехватит подземный сток, река может обмелеть, а выработку — затопить!

— Не успеют, — вдруг глухо произнес Егор, резко вскинув голову.

Земля под нашими ногами задрожала. Из-за перелеска донесся надрывный рев тяжелого дизеля. Затрещали ломаемые березки, клубы черного маслянистого дыма взметнулись в небо.

На межевую насыпь, прямо к крайнему ряду яблонь, выползал карьерный бульдозер Komatsu со стальным зубом-рыхлителем. Следом мчал белый пикап прораба Рябова.

— Началось, — Егор уложил свинцовую тубу в мой рюкзак, застегнул клапан и повернулся ко мне: — Держись, Варя. Между ломать идут.

Мы услышали, как у насыпи хлопнула дверца пикапа.

Бульдозер замер в двадцати метрах от яблонь. Его стальной нож скребнул сырой дерн. Из пикапа выскочил грузный прораб Рябов со стальной монтировкой в руке:

— Эй, в саду! — заорал он в мегафон. — А ну пошли вон за ограду! Начинаем планировку! Кто под нож полезет — в овраг закопаем!

Егор молча донес меня до толстого ствола антоновки, опустил на траву и вложил мне в ладонь яблоневый посох:

— Сиди здесь, Варя. Я сам.

Он расправил плечи, достал топор и тяжелым, размеренным шагом вышел на середину насыпи — прямо перед ревущим отвалом бульдозера. Дойдя до межевого дубового столба, Егор с размаху всадил топор в торец бревна глубоко, скрестил руки на груди и замер гранитной скалой.

— Глуши мотор, Рябов, — произнес Егор, стоя перед отвалом. Его бас перекрыл дизель. — Дальше хода нет. Здесь Савельевская земля.

Машинист в кабине испуганно сбросил газ. Вид двухметрового великана с топором перед сорокатонной броней действовал отрезвляюще.

— Ты че, Яснев, бессмертный?! — взвизгнул Рябов. — У меня ордер на вскрышные работы! Сад под снос идет!

Опираясь на посох, преодолевая боль в ноге, я поднялась и выставила смартфон с включенной камерой:

— Опустите монтировку, гражданин Рябов! Ведется прямая видеозапись! Я — Варвара Петровна Савельева, законная владелица надела! Перед вами — государственная водоохранная зона реки Ясенки! Вот реквизиты охранного свидетельства 1888 года! Я передам запись полиции и природоохранному прокурору! Вы предупреждены об угрозе источникам и людям!

Рябов поперхнулся криком. Он ошалело уставился на смартфон и на меня, опирающуюся на посох, но требующую остановить работы.

— Какой прокурор... — забормотал он, затем повернулся к кабине: — Мишка, дави его отвалом! Толкай потихоньку!

Бульдозерист дернул рычаг хода. Дизель взвыл, выплюнув копоть. Траки провернулись, нож опустился, и сорокатонная махина двинулась на Егора и старый столб.

— Егор, ленивец! — закричала я, мгновенно просчитав кинематику гусеничного хода. — Под левый трак, под направляющее колесо!

Егор среагировал молниеносно. Подхватив стальной лом, лежавший у межевого столба, он метнулся к бровке насыпи, где лежал двухсоткилограммовый гранитный валун. Загнав острие под глыбу, Егор навалился на лом всем весом своего мускулистого стокилограммового тела, натянув жгуты сухожилий под парусиной штормовки.

Гранитный монолит дрогнул, сорвался с бровки и с грохотом влетел под натянутую гусеничную ленту — прямо перед направляющим колесом!

Машинист дернул рычаг остановки, когда гусеница уже наползла на гранитный клин.

Раздался оглушительный пушечный треск. Соединительный стальной палец гусеницы лопнул. Тяжелая лента соскочила с направляющего колеса и мертвой змеей рухнула в грязь. Бульдозер накренился набок, заскрежетал днищем о камни и намертво заглох.

Из кабины кубарем вывалился перепуганный машинист. Рябов застыл, уронив монтировку в щебень.

Егор подошел к столбу, выдернул топор из сухого дуба и закинул на плечо:

— Первый пошел. Технику уберешь на буксире. Еще раз колесом на межу наедешь — овраг трактором перегорожу. Усек?

В этот момент в моем кармане завибрировал телефон. Запись я успела отправить Сорокину, пока Рябов орал у машины. Теперь я включила громкую связь. Из динамика раздался бас участкового капитана Сорокина:

— Варвара Петровна? Я на развилке с нарядом. Рябов там? Передайте: если хоть куст в Савельевском саду тронет — прямо на межу в наручники закую за самоуправство по триста тридцатой. Пусть технику глушит и ждет полицию!

Рябов услышал каждое слово. Лицо его позеленело. Он злобно сплюнул, бросил дикий взгляд на разорванный трак Komatsu, на неподвижного Егора и на мой телефон:

— Ну, Яснев... Ну, агрономша... Макаров вас в порошок сотрет!

Он прыгнул в пикап и с ревом унесся в сторону карьера.

Мы остались одни среди весенней тишины спасенных яблонь. Егор подошел ко мне, забрал яблоневый посох и заглянул в глаза с бездонной нежностью:

— Не испугалась, Варя?

— С тобой... нет, — призналась я, чувствуя, как силы покидают меня, а нога начинает пульсировать.

Он улыбнулся, подхватил меня на руки и зашагал через сад к старому усадебному дому. До дома мы добрались к сумеркам.

Над селом темнело небо. Над Ясенкой поднимался белесый туман, пахнувший сыростью и вербой.

Старый бревенчатый дом деда Савельева встретил нас запахом сухих трав. На крыльце заворчал лохматый волкодав Гром, но, почуяв меня, замер, подошел ближе и мягко ткнулся мокрым носом в ладонь, тихо заскулив.

— Узнал дедову кровь, старый, — тихо сказал Егор, занося меня в горницу.

Он уложил меня на дубовую лавку, подложил валик из овчины и быстро занялся печью.

Через десять минут в жерле русской печи весело гудели сухие березовые поленья. Золотые отсветы заплясали по бревенчатым стенам, по избе поплыло живое тепло. Егор вскипятил чугунок воды, заварил сушеные яблоки с чабрецом и смородиной. Подал мне кружку с ароматным взваром:

— Пей, Варя. Согрейся. Фельдшер зайдет, ногу осмотрит. Пока холод приложим. А ходить пока не дам — вот посох яблоневый я тебе под руку довел, гладкий, без заноз.

Я пила горячий взвар, глядя, как он опустил на колено возле лавки. Его лицо в свете пламени казалось высеченным из камня, но в глазах горел надежный, несокрушимый свет.

— Спасибо тебе, Егор. За всё, — тихо сказала я, касаясь пальцами его жесткого брезентового плеча.

Он накрыл мою ладонь своей широкой горячей рукой и сжал — крепко, навсегда:

— Тебе спасибо, Варвара Петровна. Сад ожил, как ты пришла. А насчет карьера не бойся. Завтра кровлю перекрою, петли с засовом на дубовой двери поправлю, печь налажу. А потом пойдем в сад: весна пришла, пора больные ветви обрезать. Сад не отдадим. Я за эту землю и за тебя костями лягу.

Я смотрела в огонь, чувствуя тепло его руки. За окнами на карьере вспыхивали огни далеких тралов, а здесь, у жаркой печи, я крепче сжала его ладонь. Утром мы начнем возвращать саду жизнь. Найденный план я положила отдельно — утром отправлю его в область.

Глава 3. Живой сок

С крыши ударил молоток. Я осторожно спустила ноги с лавки и нащупала посох.

Первый рассвет в дедовском доме наступил хрустально и тихо. В просторной бревенчатой горнице русская печь щедро отдавала накопленное за ночь кирпичное тепло. В избе стоял густой, уютный дух сухого чабреца, березового дыма и старого соснового сруба.

Травмированный вчера голеностоп отозвался глухой тяжестью, отек немного спал после покоя и холодного компресса. Вчера фельдшер осмотрел меня и отправил на снимок: перелом в районной больнице исключили, а связкам предстояло восстанавливаться несколько недель.

У изголовья стоял прислоненный к косяку яблоневый посох. Древесина была шелковистой на ощупь, с удобной развилкой под ладонь, пахнущей свежим воском. Опершись на посох, я поднялась и сделала несколько шагов к двери. Посох давал надежную, жесткую опору: я могла осторожно передвигаться по дому.

С крыши доносился звонкий перестук молотка.

Накинув вязаную шаль, я толкнула дверь и вышла на высокое крыльцо. На крутом скате кровли, у самого конька, работал Егор. В парусиновой рубашке нараспашку он ловко подгонял осиновые плашки гонта, напевая старинную песню. Его широкие бронзовые плечи играли литыми мускулами в лучах восходящего солнца. Он прижимал плашку коленом, примерял край и двумя ударами утапливал гвоздь. Прогнившая за годы запустения дранка над дедовским кабинетом уже была заменена аккуратной чешуей нового настила.

Услышав скрип крыльца, Егор опустил молоток и одним легким движением соскользнул по стропилам на помост, а оттуда спрыгнул на землю в двух шагах от меня.

— Доброе утро, Варвара Петровна, — в его серых глазах плеснуло солнце. От него исходил плотный жар разгоряченного мужского тела, запах осиновой стружки и кострового дыма. — Гляжу, поднялась хозяйка? Как нога?

— Твоими молитвами, Егор, — улыбнулась я, чувствуя, как краска приливает к щекам. — Посох твой словно влитой в руку. Без него не встала бы.

— Для тебя строгал, — просто ответил он и протянул мне глиняную кружку с парящим черничным взваром. — Пей, пока горячий. Крышу перекрыл, дымоход прочистил — тяга теперь как в горне. Пора и сад глядеть.

Мы медленно пошли по росистой тропе вдоль восточной террасы. Кончики почек на вековых антоновках лопнули, обнажив нежные розовые конусы бутонов. Но штамбы и развилки скелетных ветвей старых деревьев покрывали темные концентрические язвы с валиками усохшей коры.

Егор помрачнел:

— Вот она, беда наша. За три года запустения пошла зараза. Мужики говорят — бактериальный ожог, дескать, под корень весь ряд спиливать надо, пока другие яблони не заразило. А у меня рука не поднимается дедов труд под пилу пускать.

Я опустилась на колено, опираясь на посох, достала хирургический скальпель и лупу. Осторожным движением сделала косой срез отмершего луба на границе с живой тканью.

— Не вздумай пилить, Егор, — сказала я, внимательно изучая тончайший зеленый срез под стеклом. — Камбий ярко-зеленый, чистый, экссудата нет вовсе. На бактериальный ожог это мало похоже. По виду это европейский рак яблони, возникший в старых морозобоинах после суровой зимы. Вокруг язвы есть живая ткань. Возьму образцы на анализ, но целый ряд рубить сейчас — погубить то, что можно спасти!

Егор присел рядом на корточки, затаив дыхание:

— Спасти можно?

— Нужно! Глубокая хирургическая зачистка до здоровой белой древесины, дезинфекция трехпроцентным раствором медного купороса и садовая защитная паста. Начнем с этих язв, остальные деревья обследуем по рядам. За каждое будем бороться.

Великан облегченно перевел дух:

— Дала надежду дедову царству, Варя. А я уж думал — конец саду.

В нижней лощине нас ждала другая проблема: почва чавкала под ногами, корневые шейки сорока деревьев стояли в ржавой воде.

— Рельеф с уклоном к реке, вода должна уходить самотеком, — нахмурилась я.

Я вогнула стальной почвенный шуп у корней вяза. На глубине сорока сантиметров металл уперся в твердое полое препятствие. Егор снял штыковой лопатой пласт дерна. Под слоем ила показались гладкие красновато-коричневые трубки.

— Гончарные трубки! — ахнула я. — Егор, это же дренажная система 1888 года, которую дед Петр восстанавливал! Посмотри — обожженная глина ручной работы! Сток просто заилило листьями на выходе в овраг.

Егор принес витой стальной трос с дедовским ершом, загнал его в трубу и тяжелым нажимом обеих ладоней, натужно выдохнув, провернул стальной сердечник. Раздался чавкающий звук, скопившаяся вода с гулом ринулась в пробитый канал и весело зажурчала прямо в Ясенку. Лужи на глазах стали уходить в землю, освобождая задыхающиеся корни.

— Ну, Варвара Петровна... — Егор вытер руки о штаны, глядя на меня с восторгом. — Глаз у тебя — как у сокола. Третью весну тут вода стоит, а ты за пять минут причину нашла.

— Рано радоваться, — улыбнулась я, опираясь на посох. — Впереди обрезка крон. Для крупных ветвей понадобятся пилы, а для точной зачистки — хорошие ножи.

— А мы к Матвеичу в кузницу пойдем, — подмигнул Егор, подхватывая меня под локоть. — Там железо настоящее, дедовское.

Прежде чем идти к кузнецу, Егор хотел показать мне еще одну дедовскую вещь.

Егор привел меня к каменному замшелому флигелю позади усадебного дома.

Тяжелая дубовая дверь распахнулась. В полумраке просторного сводчатого помещения пахло сухим сеном, дубовой бочкой и винным осадком. Посреди зала возвышался циклопический агрегат. Четыре граненых дубовых столба толщиной в обхват удерживали траверсу с массивным чугунным винтом и четырехлучевым воротом.

Я подошла ближе, благоговейно проводя пальцами по потускневшей латунной табличке на станине:

«Чугуноплавильный заводь Демидова, 1904 г. Винтовой пресс системы профессора Грачева».

— Три тонны живого веса, — с гордостью произнес Егор, поглаживая дубовый брус. — Предки наши его на подводах с тульского завода везли. Твой дед с моим отцом потом восстанавливали. Винт такую силу дает — дубовый круг прогибается. Весь урожай волости через него проходил. Только вот пять лет к нему никто не прикасался.

Мы принялись за работу. Винт закис в бронзовой втулке. Егор пролил резьбу керосином, позвав меня:

— Варя, помоги направить заход. Надо, чтобы винт без перекоса в нитку лег.

Я опустила на колено у каменного цоколя, здоровой ногой упираясь в гранитный выступ, и обеими руками взялась за массивный винт, направляя его тяжелый торец в заходное кольцо. Егор стоял вплотную надо мной, наваливаясь на ходовой рычаг. Я чувствовала его горячее дыхание на волосах, слышала, как напрягаются жилы на его руках. Резьба плавно зашла в нитки.

Но в самой верхней точке подъема каленый стопорный палец с сухим щелчком срезало — тяжелый чугунный луч ворота сорвался и со свистом полетел вниз, прямо на меня!

Я вскрикнула, теряя равновесие на больной ноге.

Егор рванулся вперед, закрывая меня своим телом. Удар скользнувшего чугунного луча пришелся прямо по его правому предплечью. Раздался глухой стук. Егор глухо зарычал от боли, но не отступил: перехватил сорвавшуюся деталь левой рукой и с яростной силой отбросил ее в солому.

— Егор! Рука! — в ужасе крикнула я, хватая его за плечи. — Ты цел?!

— Тихо... Варя, не кричи, — прерывисто дыша, выдохнул он, опускаясь передо мной на колени. — Кость цела, скользом задело. Главное — тебя не зашибло.

На его правом предплечье темнела широкая рваная ссадина, сочившаяся кровью. Забыв про ногу, я опустилась рядом с ним, бережно взяла его горячую руку обеими ладонями и прижала к своей груди:

— Сумасшедший... Зачем ты под железо полез?..

— А как не полезть? — он посмотрел мне прямо в глаза, и в его взгляде было столько открытого мужского тепла, что перехватило дыхание. — Ты же у меня одна такая, Варвара.

Я достала из аптечки стерильную салфетку и воду, осторожно промыла ссадину и закрыла повязкой. Мои пальцы слегка дрожали. Егор смотрел на меня, и с каждым моим движением его дыхание становилось тише.

— Сейчас перевяжем, а потом покажем фельдшеру, — шептала я, чувствуя, как между нашими телами протягивается невидимая, вибрирующая нить непреодолимой близости.

Егор поставил запасной стопорный палец и проверил, как держится ворот. Через час станина была отчищена, винт смазан, резьба закрыта кожухом от корзины, а дубовая наборная корзина пресса тщательно пропарена кипятком с можжевельновыми ветками. Древесина разбухла, планки плотно сомкнулись, источая смолистый аромат.

Мы вымыли и раздробили прошлогоднюю антоновку из ледника, уложили мезгу в чистые прессовальные салфетки, накрыли дубовым кругляком и завели длинный рычаг ворота:

— На счет три, Варя! Раз, два... Взяли!

Я ухватила за рычаг рядом с его широкими ладонями и нажала, а основное усилие принял Егор. Чугунный винт с победным скрипом провернулся. Дубовая прижимная плита медленно пошла вниз, сжимая яблочную мезгу.

И вдруг из нижних дубовых пазов с густым шипением и пеной брызнули тугие струи. Золотистый янтарный сок хлынул по желобу прямо в бак, наполнив давяльную ароматом меда и яблочного вина.

Я зачерпнула кружку и протянула Егору:

— Пей, хозяин! Смотри, какой сок! Как слеза!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.